

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

ТОМ НОКС

МЕТКА
КАИНА

ЭКСМО
МОСКВА

2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
Н 79

Том Кнох

THE MARKS OF CAIN

Copyright © Sean Thomas, 2010
All rights reserved

Оформление серии *С. Шикина*

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Нокс Т.

Н 79 Метка Каина / Том Нокс ; [пер. с англ. Т. В. Голубевой]. — М. : Эксмо, 2014. — 480 с. — (Книга-загадка, книга-бестселлер).

ISBN 978-5-699-69141-8

Молодой английский юрист Дэвид Мартинес в полном недоумении. Его только что умерший дед, оказывается, оставил завещание, в котором оставил внуку непонятно откуда взявшиеся у него большие деньги — два миллиона долларов. Но с одним условием: Дэвид должен поехать в Испанию, в Басконию, и найти там некоего Хуана Гаровилью, чтобы тот объяснил значение символов на старой карте, которую Дэвид получил по тому же завещанию. Заинтригованный Мартинес едет в Страну Басков. Если бы он знал, какая страшная тайна скрыта в этих символах и какие опасности ожидают его на пути к ее разгадке, то, скорее всего, остался бы дома, наплевав на наследство. Но у него нет другого пути: ведь Дэвид, как и весь его род, неразрывно связан с этой тайной древним проклятием, имя которому — метка Каина...

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

© Голубева Т.В., перевод на русский язык, 2012

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-69141-8

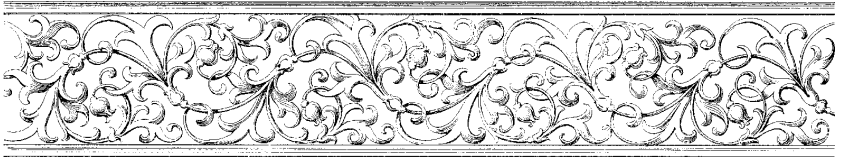
ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

«Метки Каина» — выдумка. Однако при работе над ней использовалось множество подлинных исторических, археологических и научных источников. В частности:

Монастырь Святой Марии Туретской стоит среди лесов и виноградников в центре Франции. Здание по проекту Ле Корбюзье построено в пятидесятых годах. Но пять лет спустя после завершения строительства монастырь чуть не закрыли, потому что очень многие монахи начали страдать умственными расстройствами.

Евгений Фишер был немецким ученым, известным своими исследованиями в области наследственности, особенно среди бастеров Намибии, а потом работой для Гитлера и нацистской партии. Он пережил Вторую мировую войну и продолжил свою деятельность, даже не подвергнувшись судебному преследованию.

В 1610 году король Наварры попросил своих медиков исследовать двадцать два своих подданных «кагота».

БЛАГОДАРНОСТИ

Я хотел бы выразить свою благодарность всем, кто помогал мне в изучении Намибии, особенно жителей Кэнон-Лодж, Намиб-Дезерт-Лодж, Людериц-Нест и Кляйн-аус-Виста. Все это совершенно необычные места. И я благодарю волонтеров из общества по спасению пустынных слонов Намибии за их поистине бесценную помощь.

Также большое спасибо Марку Курлански и Пэдди Вудворту за их весьма познавательные книги о культуре басков, о каждом жителе города Сугаррамурди в Наварре, об ученых Стэнфордского университета, занятых в проекте по изучению генома человека (закрытом, несмотря на интерес к нему, в девяностых годах), и о монахах-доминиканцах из приората Ла-Туретт.

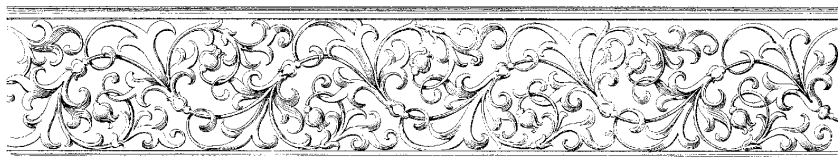
Благодарю моих редакторов, Джошуа Кендалла из Нью-Йорка и Джейн Джонсон из Лондона, за их терпение, трудолюбие и понимание в течение многих месяцев; я им бесконечно благодарен. И точно так же я благодарен Евгению Фурнисс, моему агенту в издательстве «Уильям Моррис», и Джей Мэндел из Нью-Йорка.

И, наконец, мне хотелось бы поблагодарить Мари-Пьер Мане Безок, которая позволила мне жить в ее доме в Тарбесе, на юге Франции, и рассказала о своей весьма примечательной родословной.

Эта книга посвящается Мари — *последней из кагатов*.

Голос брата твоего вопиет ко Мне от земли.

Быт. 4:10

1

Саймон Куинн слушал молодого человека, который описывал, как именно отрезал себе большой палец.

— И это, — говорил он, — было началом конца. Я хочу сказать, если ты отрезаешь себе палец, просто берешь и отрезаешь ножом, это ведь не пустяк, а? Это серьезное дерьмо. Я хочу сказать, отхватывать себе пальцы. Это черт знает что такое.

Саймону отчаянно захотелось рассмеяться, но он подавил этот импульс. Худшее, что ты можешь сделать на встрече анонимных наркоманов, — это засмеяться над чьей-нибудь ужасной историей. Это просто недопустимо. Люди пришли сюда, чтобы поделиться с другими своими бедами, исповедаться, достичь некоего катарсиса благодаря выявлению своих самых тайных страхов и постыдных поступков и таким образом исцелиться.

Молодой человек завершил рассказ:

— Ну и вот, тогда меня вроде как стукнуло. Я вдруг понял, что должен что-то сделать, ну, я о наркотиках и всяком таком. Спасибо.

Мгновение-другое в комнате было тихо. Потом женщина средних лет сердечно произнесла: «Спасибо, Джонни», и все забормотали следом за ней: «Спасибо, Джонни».

Они все дошли почти до предела. Шесть человек, получивших брошюрки с приглашением. Для Саймона это была новая группа, и ему это нравилось. Обычно он посещал вечерние встречи рядом с той квартирой, где жил с женой и сыном, на Флинчи-роуд, в пригороде Лондона. Но сегод-

ня ему пришлось поехать по делам в Хэмпстед, и по пути он решил заглянуть в другую группу, испытать нечто новое; ему уже наскучили пьянчуги, с которыми он встречался, и их истории о том, как они глотают жидкость для заправки зажигалок. Поэтому он позвонил по горячей линии общества анонимных наркоманов и нашел адрес вот этого собрания, куда никогда прежде не заглядывал, и оказалось, что здесь встречаются регулярно во время обеденных перерывов, — а люди здесь интересные, и истории у них необычные.

Пауза затянулась. Возможно, теперь ему следует поделиться собственной историей? Он решил рассказать самую первую. Главную.

— Привет, меня зовут Саймон, и я наркоман.

— Привет, Саймон...

— Привет, Саймон.

Он немного наклонился вперед и заговорил:

— Я много пил... лет десять, не меньше. Но я не был просто алкоголиком, я был... так сказать, неразборчивым потребителем. Я пил абсолютно все. Но я не хочу говорить об этом. Я хочу... объяснить, как это началось.

Руководитель группы, мужчина лет пятидесяти с небольшим, с добрыми голубыми глазами, осторожно кивнул.

— Говори о чем хочешь. Пожалуйста, продолжай.

— Спасибо. Ну вот. Ладно. Я... я вырос не так уж далеко отсюда, в Белсайз-парке. Мои родители были довольно состоятельны. Отец — архитектор, мать — преподаватель. Мы родом из Ирландии, но... я учился в частной школе в Сассексе. Отсюда и этот глупый акцент английского среднего класса.

Руководитель вежливо улыбнулся. Он слушал очень внимательно.

— И... и у меня был старший брат. Мы, в общем, были довольно счастливой семьей... поначалу. А потом, когда мне исполнилось восемнадцать, я отправился учиться в

университет, и вот туда-то мне позвонила мать, она была просто вне себя. Она сказала: «Твой брат Тим свихнулся!» Я спросил, что она имеет в виду, а она ответила: «Просто свихнулся!» И это действительно было так. Он вдруг вернулся домой из университета и начал болтать что-то совершенно безумное, писать и декламировать уравнения и формулы... и самым безумным было то, что он делал это на немецком!

Саймон окинул взглядом лица людей, собравшихся в этом подвальном помещении. Потом продолжил:

— В общем, я помчался домой и обнаружил, что мать была совершенно права. Тим бесповоротно свихнулся. Полностью и окончательно. Он устраивал разные гадости товарищам по учебе... может, его это как-то стимулировало... но я думаю, что это уже было проявлением шизофрении. Потому что шизофрения ведь именно в таком возрасте чаще всего и начинается — между восемнадцатью и двадцатью пятью годами. То есть тогда, конечно, я этого не знал.

Женщина средних лет пристально смотрела на него, прихлебывая чай из пластиковой чашки.

— Тим был склонен к науке. Он был по-настоящему умен — куда умнее, чем я. Я едва могу выговорить *bonjour*¹, а он говорил на четырех языках. И он готовился получить ученую степень по физике, в Оксфорде, но вдруг вернулся домой... без предупреждения... и болтал всякую ерунду, декламировал научные формулы на немецком. Он этим занимался ночь напролет, маршируя вверх-вниз по лестнице. *Das Helium und das Hydrogen*² бла-бла-бла... И так всю ночь. Мои родители поняли, конечно, что с братом случилось что-то серьезное, и отвезли его к врачу, а тот выписал

¹ Добрый день (фр.).

² Гелий и водород (нем.).

Тиму обычные в таких случаях лекарства. Эти поганые маленькие пилюльки. Антипсихотические, нейролептические... И на какое-то время они помогли... Но однажды ночью, когда я приехал домой на Рождество, я услышал какое-то бормотание... Это был его голос. Все началось сначала. Да. *Das Helium und das Hydrogen*. А я лежал в своей комнате и гадал, что тут можно сделать. Но потом до меня донесся ужасный крик, и я выскочил из спальни и увидел, что мой брат... — Саймон на мгновение закрыл глаза. — Я увидел, что брат — в комнате родителей и они там с матерью одни, потому что отец как раз уехал... и... мой брат *нападает* на мать, рубит ее мачете. Такой большой нож. *Мачете*. Я не знаю, как все это началось. Я просто увидел, что он рубит огромным ножом нашу мать, и потому я бросился на него и повалил на пол, а вокруг была кровь... везде, везде... она просто сплошь покрыла все стены. Я его чуть не задушил. Чуть не убил *брата*. — Саймон перевел дыхание. — Приехали полицейские и увезли Тима... мать отправили в больницу, она осталась жива, ей наложили множество швов... но она осталась без нескольких пальцев, и кое-какие нервы были перебиты. И все равно это было просто невероятным везением. Она могла погибнуть — но осталась в живых. А потом перед нашей семьей встала совершенно ужасная дилемма — должны ли мы выдвигать обвинение? Мы с отцом сказали «да», но мать заявила — «нет». Она любила Тима больше, чем всех остальных. Она думала, что его можно вылечить. И мы с ней согласились... да, это глупо, безумно, но мы *согласились*. Потом Тим вернулся домой, и какое-то время казалось, что с ним все в порядке, он принимал лекарства... но однажды ночью я опять услышал: «*Das Helium und das Hydrogen...*»

Саймон почувствовал, как у него на лбу выступает пот. Он поспешно продолжил рассказ:

— Тим снова бормотал в своей комнате. И конечно, это было то самое. Мы позвонили в полицию, и они мгновенно

приехали, забрали брата и увезли в сумасшедший дом. Там он и находится до сих пор. Запертый на ключи и засовы, засунутый в коробку... Он с тех самых пор там. И останется там на всю жизнь... — Заканчивая свою историю, Саймон ощутил привычное облегчение. — Вот тогда-то я и начал пить — чтобы забыть обо всем, понимаете? А потом сульфаты, а потом много всего подряд... Но я перестал пьянствовать шесть лет назад, да, и прошел курс лечения антибиотиками, и шесть раз в неделю посещаю собрания. И с тех пор — ничего! А сейчас у меня жена и сын, и я их невероятно люблю. Так что чудеса случаются. Действительно случаются. Конечно, я до сих пор не знаю, почему мой брат сделал то, что он сделал, и что все это значило, но... Я смотрю на это так: может быть, у меня тоже такие гены, а может быть, с моим сыном все будет хорошо. Кто знает? Всему свое время, проживем — увидим. Вот такая у меня история. И большое вам спасибо за то, что выслушали меня. *Спасибо.*

Жаркую душную комнату наполнило бормотание: «Спасибо, спасибо...» — это откликнулось собрание. Последовавшее за ним молчание было чем-то вроде знака: час подходил к концу. Все встали, обнялись друг с другом и прочли благодарственную молитву. На этом все закончилось, и наркоманы потянулись к выходу, с трудом поднимаясь по скрипучей деревянной лестнице, ведущей во двор Хэмпстедской церкви.

В кармане Саймона зазвонил мобильный телефон. Остановившись у церковных ворот, он ответил на вызов.

— Куинн! Это я!

На дисплее телефона вспыхнула надпись: «Номер не определен», но Саймон сразу узнал голос. Это был Боб Сандерсон. Его коллега, его источник жизни, его друг: детектив, старший инспектор Скотланд-Ярда.

Саймон ответил ему бодрым «Привет!». Он всегда был рад слышать Боба, потому что этот полицейский регуляр-

но скармливал журналистам интересные истории: сплетни о дерзких грабежах и кражах, слухи о пугающих самоубийствах... В обмен за информацию Саймон всегда заботился о том, чтобы старший инспектор был на виду; о нем всегда упоминалось в обзорных статьях, причем в самых лестных выражениях — «умный полицейский, раскрывающий все преступления, восходящая звезда» и так далее. Это была неплохая сделка.

— Рад слышать твой голос, инспектор. Я немножко не у дел.

— Ты всегда не у дел, Куинн.

— Это называется «внештатный сотрудник». Чем порадуешь?

— Возможно, чем-то любопытным. Странный случай в Примроуз-Хилл.

— Вот как?

— О да.

— И... что такое случилось? Где именно?

Детектив немного помолчал, потом ответил:

— Большой старый дом. Убита старая леди.

— Отлично.

— Не слышу особого энтузиазма.

— Ну... — Саймон мысленно пожал плечами, глядя на автобус, поворачивающий налево, к Белсайз-Парк. — Примроуз-Хилл? Я полагаю... какой-нибудь нервный грабитель, охотник за драгоценностями... Обычная история.

— О нет, на этот раз ты ошибся, — полицейский хихикнул, но в его смешке слышалась и определенная доля серьезности. — Это не стандартный случай ограбления, Куинн.

— Ладно, и что тогда? Что делает его *необычным*?

— Способ убийства. Выглядит так, словно леди сначала... связали узлом.

— Связали узлом?

— Именно так. Мне тут подсказывают верное слово... — полицейский немного помедлил, потом повторил: — Связали узлом! Возможно, тебе следует приехать и взглянуть самому.

2

За окном хосписа раскинулась бесплодная красота аризонской пустыни, с ее покоренными песками, пузырями базальтовых выступов... Зеленые руки гигантских кактусов-цереусов тянулись вверх, обращаясь с мольбой к неумолимому солнцу.

Если тебе предстоит умереть, думал Дэвид Мартинес, то это как раз самое подходящее местечко для этого, на самой окраине Феникса, почти в пригороде, где уже начинается великий пустынный край Сонора.

Дед что-то бормотал, лежа в постели. Капельница с морфином делала свое дело. Деда сейчас невозможно было понять. Впрочем, его теперь вообще редко кто понимал.

Внук наклонился и промокнул бумажной салфеткой пот со лба деда. Он снова пытался понять, зачем он приехал сюда, проделал весь этот путь из Лондона, потратив на поездку драгоценные свободные дни. Но ответ был тем же, что и прежде.

Он любил своего деда. Он мог бы вспомнить и лучшие времена: мог бы вспомнить деда темноволосым, крепким, бодрым человеком; тот сажал Дэвида к себе на плечи под жаркими лучами солнца. В Сан-Диего, у моря, когда они еще были настоящей семьей. Маленькой семьей, но настоящей.

А может быть, была и другая причина, по которой Дэвид ехал так долго. Его мать и отец погибли в автомобильной катастрофе пятнадцать лет назад. И уже пятнадцать лет Дэвид пребывал в Лондоне, а его дед доживал свои дни в далеком Фениксе. И зависело это только от Дэвида. Столь

печальный факт требовал правильной оценки; поэтому Мартинес и приехал, чтобы должным образом попрощаться с единственным родным человеком.

Лицо деда искажилось во сне.

Уже около часа Дэвид сидел здесь, читая книгу. А потом, наконец, его дед проснулся, закашлялся и открыл глаза.

Умиравший пациент озадаченно уставился в окно, на голубой квадрат неба пустыни, как будто впервые его увидел. Потом его взгляд перешел на посетителя. Дэвид ощутил укол страха: а что, если дед, посмотрев на него, скажет: «Ты кто такой?» За последнюю неделю это случалось слишком часто.

— Дэвид?

Дэвид придвинул стул поближе к кровати.

— Дед...

То, что последовало за этим, нельзя было назвать настоящим разговором, но тем не менее это был *разговор*. Они поговорили о том, как дед себя чувствует; они вкратце затронули тему больничной еды. «Слишком много мексиканского, Дэвид, слишком много мексиканского». Дэвид упомянул о том, что неделя его отпуска почти закончилась и что он через день-другой должен уже будет лететь в Лондон.

Старик кивнул. За окном в небе над пустыней кружил ястреб, и тень большой птицы пронеслась по комнате.

— Мне очень жаль... я не был с тобой, Дэвид, когда... когда твоя мама... и папа... ну, ты понимаешь... когда это случилось.

— Не понял?

— Ты знаешь. То... ну, что случилось... я так чертовски сожалею обо всем этом. Я был дураком.

— Нет. Будет тебе, дед. Не надо начинать все снова. — Мартинес покачал головой.

— Выслушай меня, внучек... пожалуйста... — старик поморщился. — Мне надо сказать тебе кое-что.

Дэвид кивнул, внимательно вслушиваясь в слова деда.

— Я должен это сказать. Я бы мог... я мог бы сделать больше, помочь тебе больше. Но ты так хотел остаться в Англии, подруга твоей мамы увезла тебя туда, и казалось, что это к лучшему... ты ведь не знал, как это было трудно. Приехать в Америку. После войны. Когда... когда твоя бабушка умирала...

Он надолго умолк.

— Деда?

Старик посмотрел на полуденное солнце, бросившее свои лучи в палату.

— Я хочу тебя спросить, Дэвид.

— Да. Конечно. Спрашивай.

— Ты думал когда-нибудь о том, откуда ты взялся? Кто ты есть на самом деле?

Мартинес давно привык к тому, что дед задает ему разные вопросы. Это было частью их родственных отношений, они именно так ладили, притирались друг к другу: старый человек расспрашивал внука о разных делах молодежи. Но на этот раз вопрос был совсем другим, неожиданным, и притом весьма интересным, и он не был похож на все прежние. Это был Настоящий Вопрос.

А кем он был на самом деле? Откуда он на самом деле взялся?

Дэвид обычно приписывал свое чувство отсутствия корней хаотическому воспитанию и не совсем обычной родословной. Дед был испанцем, но в 1946 году вместе с женой приехал в Сан-Диего. Она умерла, давая жизнь отцу Дэвида; затем его отец встретил его мать, медицинскую сестру из Англии, которая работала на базе военно-воздушных сил в Калифорнии.

В итоге в первые годы жизни Дэвид, в общем, мог в определенном смысле сказать, кто он: американец англо-испанского происхождения, калифорниец, — но латиноамериканская фамилия и испанская внешность все же выде-